

УДК 94(47+57)"1939/1945"
ББК 63.3(2)62
С 76

Публикация подготовлена в рамках программы Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Книга подготовлена при поддержке Германского исторического института в Москве и Фонда Джеффа и Тоби Херр Центра высших исследований Холокоста при Мемориальном музее Холокоста США (Jeff and Toby Herr Fund, Center for Advanced Holocaust Studies, United States Holocaust Memorial Museum)

СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост.
С 76 Сталинизм / под ред. Олега Будницкого (отв. ред. и сост.) и Людмилы Новиковой. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 432 с.: ил.

ISBN 978-5-8243-1857-9

Статьи, включенные в настоящий сборник, посвящены двум аспектам истории Второй мировой войны на территории СССР: во-первых, истории Холокоста и немецкой оккупационной политики, во-вторых, истории советского общества и сталинизма военного времени. В чем особенности Холокоста на оккупированных территориях СССР? Как относились к массовому убийству евреев военнослужащие Красной армии? Насколько распространены были антисемитские настроения среди населения оккупированных территорий, в советском тылу и в партизанских отрядах? Каковы были особенности сталинизма военного времени и как эти особенности проявились в политике, культуре и в повседневной жизни? Как трансформировалась память о войне в послевоенном советском обществе и какую роль она играет в современной политике? На эти и другие вопросы пытаются ответить авторы данной книги: австрийские, американские, британские, германские, израильские, российские, украинские, французские исследователи.

УДК 94(47+57)"1939/1945"
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-8243-1857-9

© Коллектив авторов, 2014
© Политическая энциклопедия, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Будницкий, Людмила Новикова, Пол Шапиро.
Предисловие. 9

Часть первая. ГРАНИ ОККУПАЦИИ: ХОЛОКОСТ, СОПРОТИВЛЕНИЕ, КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ

Стивен Мэддокс. Преступления и наказание: карательные отряды в Ленинградской области, 1941–1944 гг.
(Перевод с англ. Л. Новиковой) 26

Аркадий Зельцер. Холокост глазами красноармейцев 49

Цви Гительман. Еврейские партизаны в Белоруссии: контекст, конфликт и сравнение
(Перевод с англ. М. К. Дада) 71

Татьяна Пастушенко. Киевское окружение и уничтожение военнопленных евреев: топография Холокоста 98

Станислав Аристов. Нацистские концентрационные лагеря на оккупированной территории Украины. 112

Олена Петренко. Субъективная ответственность: участие женщин в Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии
(1930–1950-е гг.) 134

Маттиас Кальтенбруннер. «Операция Кугель» и «охота на зайцев» в округе Мюльфиртель
(Перевод с англ. Ю. Герасимовой и А. Старкова) 149

Часть вторая. СТАЛИНИЗМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ПОЛИТИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Майкл Дэвид-Фокс. Размышления о сталинизме, войне и насилии (Перевод с англ. И. Махаловой) 176

Дональд Фильцер. Смертность от голода в промышленных районах тыла в годы Второй мировой войны (Перевод с англ. А. Старкова)	196
Венди Голдман. Не хлебом единым: продовольствие, рабочие и государство (Перевод с англ. Н. Полковниковой)	221
Сергей Яров. «Поваренная книга» блокады	250
Владислав Шабалин. Номенклатурные сообщества советского тыла	267
Олег Лейбович. Антисемитские настроения в советском тылу	280
Анна Кимерлинг. Неизвестные солдаты трудового фронта: долгое возвращение домой	297

Часть третья. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Геннадий Эстрайх. Советская казацко-еврейская доблесть в жизни и литературе	314
Илья Кукулин. Советская поэзия о Второй мировой войне: риторика скрытой амальгамы.	328
Валери Познер. «В шесть часов вечера после войны»: память и ожидания мира в советском кинематографе военного времени	352
Мария Майофис. Журавли как символ памяти о войне в СССР середины 1950–1960-х гг.: первые попытки проработки травмы	367
Сергей Плохий. Как Сталин потерял голову: Вторая мировая война и войны памяти в современной Украине (Перевод с англ. Ю. Герасимовой)	392
Указатель имен.	411
Сведения об авторах	422
Abstracts	426

CONTENTS

Oleg Budnitskii, Liudmila Novikova, Paul Shapiro. Preface	9
---	---

Part one. FACETS OF THE OCCUPATION: HOLOCAUST, RESISTANCE, AND COLLABORATION

Steven Maddox. Crimes and Punishment: Punitive Detachments in Leningrad Oblast', 1941–1944 (Translated from the English by Liudmila Novikova)	26
Arkadii Zeltser. The Holocaust as Viewed by Red Army Servicemen	49
Zvi Gitelman. Jewish Partisans in Belorussia: Context, Conflict and Comparison (Translated from the English by Maivand Kasem Dad)	71
Tetiana Pastushenko. The Kiev Encirclement and the Murder of Jewish Soviet POWs: The Topography of the Holocaust.	98
Stanislav Aristov. Nazi Concentration Camps in Occupied Ukraine	112
Olena Petrenko. Subjective Responsibility: Women's Participation in the Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army (1930–1950s)	134
Matthias Kaltenbrunner. "Kugel-Prisoners" and the "Rabbit Chase in Mühlviertel Region" (Translated from the English by Iuliya Gerasimova and Arseniy Starkov)	149

Part two. WARTIME STALINISM: POLITICS AND EVERYDAY LIFE

Michael David-Fox. Reflections on Stalinism, War, and Violence (Translated from the English by Irina Makhalova)	176
---	-----

находить простые объяснения происходившему. Возрождались архетипические представления о мире, разделенном по родовому, семейному и племенному принципу. Также возникало желание свести счеты с большевистской властью, отождествлявшейся с властью еврейской. Неожиданная принудительная встреча нескольких культур — уральской, сельской и заводской, с одной стороны, и культуры белорусских и украинских местечек, но также и столичных городов, с другой, — порождало взаимное непонимание, инстинктивное отчуждение и стремление к изоляции. В условиях войны нередко также делалась ставка на силу, проявлялось пренебрежение к слабым, презрение к традиционной морали⁵⁷. На пересечении всех этих культурных контекстов стояли антисемитские настроения, ставшие важным элементом коллективного сознания в советском тылу в годы Великой Отечественной войны.

Анна Кимерлинг

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ ТРУДОВОГО ФРОНТА: ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ¹

Советская городская повседневность первого послевоенного десятилетия, включая отношения, существовавшие на производстве и положение советских рабочих, постепенно входят в круг интересов историков XX в.² Говоря об особенностях трудовых отношений в этот период, Д. Фильцер подчеркивал, что в послевоенные годы произошло стирание «границы между рабским и свободным трудом»³. Пытаясь предотвратить массовую текучесть кадров, власти ужесточали наказания за нарушения трудовой дисциплины. В. Земсков показал, что наказания за нарушение дисциплины на производстве и за самовольный уход с работы приобрели широкие масштабы и применялись по всей стране⁴.

Пытаясь объяснить суровые меры, которые государство использовало в борьбе с «трудовым дезертирством», Е. Зубкова

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0052.

² На материалах центральных архивов трудовые отношения, продовольственную и жилищную проблему в послевоенный период исследовали Д. Фильцер и Е. Зубкова; особенности социальной городской повседневности послевоенных лет в Молотовской области по материалам пермских архивов изучали О. Лейбович и А. Чашухин. См.: Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. М., 2011; Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; Лейбович О. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008; Чашухин А. В. Школа 1950-х в процессе формирования городской культуры // Городские миры: опыт гуманитарного исследования. Пермь, 2006. С. 119–134.

³ Фильцер Д. Указ. соч. С. 22.

⁴ Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6.

⁵⁷ О массовом макиавеллизме в культуре XX века см.: Fest J. Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München–Zürich, 1986. S. 242.

приводила экономические причины. Она так описывает реакцию мобилизованных рабочих на окончание войны: «Дезертирство с предприятий мобилизованных рабочих превратилось в массовое явление <...> сдвиг в массовом сознании, обозначавший переход от войны к миру, произошел быстрее, чем к такому переходу оказались готовы государственные структуры и сама власть»⁵. Автор показывает, что в Президиум Верховного Совета в 1945 г. тысячами приходили письма от людей, желавших вернуться из эвакуации домой⁶, но состояние экономики не позволяло провести быструю и массовую реэвакуацию. Зубкова отмечает, что с точки зрения советского руководства усиление борьбы с «трудовым дезертирством» было вполне обоснованным, во всяком случае, соответствовавшим логике государственной политики.

Действовавшие на заводах и после войны законы военного времени влияли на все структуры повседневности. Как показал А. Чашухин на материале Молотовской области, «областной центр 1950-х представляет собой внушительную агломерацию рабочих поселков, прежде всего, вокруг тех или иных предприятий»⁷. При такой организации городского пространства быт рабочих был тесно связан с предприятиями, и сохранение военного положения на заводах, включая наказания за «трудовое дезертирство», определяло жизнь рабочих и вне стен предприятия.

Неустроенный быт рабочих в первые послевоенные годы, наряду с системой принудительного труда, находился в резком контрасте с жизненными условиями советской хозяйственной и партийной номенклатуры. О. Лейбович так описывал образ жизни начальников и рабочих в этот период: «Мимо изможденных, дурно одетых рабочих проезжали в автомобилях большие начальники — румяные, сытые, под хмельком <...> своих подчиненных в машину не приглашали»⁸. Автор показывает, что все более видимое социальное неравенство возмущало рабочих и это выражалось во множестве анонимных писем, приходивших в партийные и карательные органы⁹. Принудительный труд и прикрепление работников к эвакуированным предприятиям еще более усиливали существовавшую в обществе социальную напряженность.

⁵ Зубкова Е. Указ. соч. С. 41.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Чашухин А. В. Указ. соч. С. 120–121.

⁸ Лейбович О. В городе М. С. 34.

⁹ Там же. С. 35–36.

В этой ситуации обострялись социальные конфликты, находившие свое выражение в «дезертирстве», падении трудовой дисциплины, в массовых жалобах, обращенных к региональной и центральной власти.

В данной статье я рассмотрю ряд аспектов трудовых отношений, существовавших в первые послевоенные годы. Во-первых, я хочу показать, что трудовая мобилизация и законы о наказаниях за дезертирство и нарушение трудовой дисциплины, на которые обращали внимание исследователи, являлись лишь частью общей проблемы трудовых отношений. Для жизни рабочих не меньшее значение имело и то, что военными по своей сути оставались повседневные культурные практики и отношения с начальством. Во-вторых, в статье будет показано, что процесс мобилизации рабочей силы в послевоенные годы не прекратился. Молодые рабочие, подвергнутые трудовой мобилизации в послевоенные годы, оказывались на таком же положении, как и рабочие, мобилизованные в годы войны. В-третьих, стихийная демобилизация была тесно связана — порой даже неотличимо — от попыток рабочих бороться с трудностями повседневной жизни. Многие рабочие, будучи выходцами из окрестных деревень, в стремлении решить проблему продовольственного снабжения, остро стоявшую в послевоенные годы, возвращались или хотя бы временно ездили за продуктами в родную деревню. Но в каждом случае они подвергались угрозе уголовного наказания за дезертирство. В-четвертых, приведенный ниже материал отражает восприятие власти со стороны рабочих в послевоенные годы. Несмотря на участие рабочих в выборах в Верховный и местные Советы, проходивших в 1946–1953 гг., молотовские рабочие направляли свои жалобы на существующие порядки не в советы, а в партийные инстанции. Именно их они считали настоящей властью, способной оказать реальную помощь.

Положение рабочих в первые послевоенные годы исследованы здесь на материале Молотовской (ныне — Пермской) области. Область имела развитую тяжелую промышленность, которая была полностью милитаризована и попадала под действие Указа 1941 г. «О дезертирах», и в целом была вполне типична для индустриальных районов страны¹⁰. В то же время Прикамье от-

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за само-

личалось тем, что преследование рабочих-«дезертиров» развернулось здесь в особо крупных масштабах. По данным Д. Фильцера, в среднем по стране в послевоенные годы от 10 до 20 % рабочих подверглись наказанию «за самовольный уход с предприятий»¹¹. Тем временем в Молотовской области, например, на Чусовском металлургическом заводе, были осуждены 2338 рабочих, что составляло 27,5 % к общему числу рабочих завода¹². Более широкие масштабы наказаний очевидны и при сравнении с общими цифрами, которые приводит В. Земсков. Он пишет, что в 1947 г. по всей стране в связи с нарушением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., запрещающего самовольный уход рабочих и служащих с предприятий¹³, было осуждено 215 679 человек¹⁴. На предприятиях Молотовской области в том же году в связи с данным указом были осуждены 28 648 человек, что составляло примерно 13 % от общего числа осужденных по стране¹⁵.

Источниками для данного исследования послужили документы Молотовского обкома ВКП(б), хранящиеся в Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ). Сюда входят справки, отчеты и докладные записки отдела промышленности обкома. В них, в частности, содержится информация о выполнении постановлений и указов о положении на «трудовом фронте» и сведения об огромной текучести кадров, которая, например, на Березниковском калийном комбинате, в 1946 г. составила 43,4 %¹⁶, на молотовском заводе № 90—21 %¹⁷. В фонде обкома имеются и письма рабочих, в том числе в ЦК ВКП(б) и лично Сталину. Хотя сохранилось их сравнительно немного, известно,

вольный уход с предприятий» // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1941. 27 декабря.

¹¹ Фильцер Д. Указ. соч. С. 221.

¹² Справка о результатах проверки и изучения практики отдачи рабочих под суд за прогулы в промышленных предприятиях области и осуждения несовершеннолетних детей // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 442. Л. 150.

¹³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1940. 27 июня.

¹⁴ Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года. С. 45.

¹⁵ Справка о результатах проверки и изучения практики отдачи рабочих под суд за прогулы в промышленных предприятиях области и осуждения несовершеннолетних детей. Л. 148.

¹⁶ Справка о работе химической промышленности и цветной металлургии Молотовской области в 1946 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 218. Л. 181.

¹⁷ Там же. Л. 165.

что в послевоенные годы количество писем, поступавших в обком, было действительно очень велико. Секретарь Молотовского обкома ВКП(б) К. М. Хмелевский в 1948 г. в докладе «О некоторых вопросах работы партийного аппарата» сообщал, что ежедневную почту обкома составляют 300 писем, заявлений и жалоб¹⁸. Сохранившиеся письма очень индивидуальны по содержанию, поэтому их нельзя подвергнуть количественному анализу. К тому же невозможно понять, по какому принципу в архиве обкома ВКП(б) Молотовской области остались не уничтоженными именно эти письма. По письмам порой трудно установить возраст автора, а иногда даже и его имя. Однако они ярко отражают восприятие повседневности советскими рабочими и их отношение к власти. Как видно из писем, в целом вера рабочих в способность обкома решить их проблемы была довольно высока, хотя доверие к Сталину, конечно, было еще выше. Например, верующие села Лобаново Молотовской области писали, требуя защиты конституционной свободы вероисповедания, в обком партии «товарищу главному коммунисту», а в конце письма угрожали, что «будем писать Сталину, а то и сами поедем. Понятно, что это местные заправилы хозяйничают»¹⁹.

* * *

В 1946—1953 гг. отношения начальников и подчиненных, как и сама жизнь рабочих, во многом соответствовали условиям скорее военного, а не мирного времени. Несмотря на завершение боевых действий на фронте, даже терминология в документах той поры отражала влияние прошедшей войны на жизнь прикамских рабочих. В документах говорилось о «дезертирах с предприятий» вместо прогульщиков, о «дисциплине в отделе» вместо норм и

¹⁸ Доклад секретаря обкома Хмелевского К. М. «О некоторых вопросах работы партийного аппарата», 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 146. Л. 26. Для сравнения, по данным Министерства государственной безопасности СССР, в Воронежской и Сталинградской областях за ноябрь и декабрь 1946 г. были зарегистрированы соответственно 4616 и 3275 писем. При пересчете это в среднем соответствовало 75 и 53 письмам в день. Об этом см.: Зубкова Е. Указ. соч. С. 77. Следует отметить, что здесь речь идет обо всех письмах во власть, в то время как в Молотовской области 300 писем ежедневно приходили только в адрес обкома партии.

¹⁹ Письмо в Молотовский обком ВКП(б). От верующих села Лобаново Верхне-Муллинского района, 17 июня 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 516. Л. 14—14 об.

отношений, об «объектах» вместо места работы. По-прежнему упоминались «пайки», «нормы хлеба», «карточки» и «одежда по разнарядке».

В послевоенные годы сохранял свою силу принятый еще в преддверии войны указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Согласно ему, опоздания, прогулы и самовольный переход рабочих с одного предприятия на другое карались тюремным заключением и высокими штрафами. Так, за самовольный уход с работы народный суд мог вынести приговор о тюремном заключении сроком от 2-х до 4-х месяцев. Прогул без уважительной причины карался исправительно-трудовыми работами по месту работы сроком до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 % в виде штрафа. При этом начальники учреждений, покрывавшие прогульщиков или принимавшие на работу тех, кто «самовольно» перешел к ним с другого предприятия, сами могли быть подвергнуты судебному преследованию²⁰.

Даже спустя два или три года после окончания войны народные суды и трибуналы все еще были завалены делами о «дезертирах» с работы. Только на заводах им. Сталина, им. Молотова и им. Дзержинского, расположенных в городе Молотове, в 1947 и в первом квартале 1948 г. было составлено и передано в народные суды 6493 дел о прогулах и дезертирстве. Всего же по области в этот период под суд за указанные нарушения попали 32 375 человек²¹. Среди мотивов «дезертирства» наиболее часто упоминались плохие условия работы. За ними стояло отсутствие по болезни, не подтвержденной соответствующими документами. Далее примерно в равных пропорциях следовали — поездка в деревню по личным вопросам, отказ от перевода на другую работу, опоздание при возвращении из отпуска и неявка на рабочее место в связи

²⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1940. 27 июня.

²¹ Справка о результатах проверки и изучения практики отдачи рабочих под суд за прогулы в промышленных предприятиях области и осуждения несовершеннолетних детей // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 442. Л. 145.

с отсутствием одежды и обуви²². Дела на трудовых «дезертиров» составлялись в таком массовом порядке, что Гознаком даже были заготовлены специальные типографские бланки для заявлений в суд. В них следовало только вписать фамилию рабочего и приложить объяснение «прогулявшего» и справку с предприятия²³.

Дела о трудовом «дезертирстве» в большом количестве проходили и через военные трибуналы, что также являлось продолжением практики военных лет. Основанием для приговоров служил указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., повысивший наказания за самовольный уход с работы на военных предприятиях до 5—8 лет лишения свободы. Решения по таким делам принимали не народные суды, а военные трибуналы, которые в послевоенные годы занимались почти исключительно разбором случаев трудового «дезертирства». Например, в третьем квартале 1947 г. военный трибунал войск Министерства внутренних дел Молотовской области рассмотрел 965 дел в соответствии с указом от 26 декабря 1941 г. Тем временем на все остальные преступления приходилось только 54 из рассмотренных им дел²⁴.

В борьбе с «трудовым дезертирством» активно участвовали и газеты. Так, на страницах газеты «Гремячинский рабочий», органа партбюро, шахткома и управления новых Гремячинских шахт, регулярно появлялись заметки с такими заголовками, как «Дезертиры производства наказаны». Обычно в таких публикациях кратко описывались от двух до четырех случаев «дезертирства» и приводились приговоры военного трибунала и народного суда. Как следует из заметок, «дезертиров», как правило, ловили в их родных селах, куда «они сбежали, покинув работу, демобилизовались» самовольно.

Несмотря на происходившую демобилизацию армии и массовое возвращение домой солдат-фронтовиков, мобилизованные рабочие после окончания войны годами не могли покинуть место своей работы, вне зависимости от их личных обстоятельств. Например, рабочий завода № 172, у которого в районном центре Нытве остались жена и пятеро детей, долгое время безуспешно пытался добиться разрешения вернуться к семье. В одном из своих обращений в Молотовский обком партии он писал:

²² Там же. Л. 150.

²³ Там же. Л. 146.

²⁴ Доклад о работе Военного трибунала войск МВД Молотовской области за 4 квартал 1947 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 43.

Я был мобилизован на время войны 28 ноября 1941 года из г. Нытвы, где и сейчас проживает моя семья, каковая находится на иждивении, жена и пятеро малых детей в возрасте от 12 до трех лет. Мне отсюда невозможно воспитывать такую семью. Я обращаюсь к вам уже вторично, разговаривали мы с вами в октябре м^есяце и я дал согласие проработать до 1 января, уже февраль и я все не могу добиться расчета. В случае отказа <...> я вынужден буду оставить работу самовольно <...> жить на два дома я больше не в силах²⁵.

В направленном ему ответе говорилось, что он сможет вернуться домой, когда из Нытвы пришлют ему на замену другого токаря. Однако едва ли в маленькой Нытве возможно было найти свободного токаря, который безо всякой мобилизации захотел бы поехать на работу в город Молотов.

Многие местные руководители пытались отложить демобилизацию, так как среди мобилизованных имелись хорошие, квалифицированные работники, которых предприятиям было особенно невыгодно отпускать. Об этом невольно свидетельствовал автор одной из жалоб, направленных в обком в 1948 г.:

Моя обида на директора и тем более еще как Депутата Верховного Совета РСФСР заключается в том, что <...> честных преданных стахановцев рабочих заставляет принудительно работать, не смотря ни на какие их мольбы и просьбы как это видно из моего примера. Я как награжденный знаком почета за трудовую доблесть и десяток раз записанный в книгу почета за самоотверженную работу сто раз подавал заявления начальникам цехов и директору завода об увольнении меня по моим домашним семейным обстоятельствам, так как на завод я попал не произвольно, а в порядке мобилизации был отозван на период войны сначала попал в стройбат, стройбат направил на завод в 1941 г. и причем оставил дом и хозяйство и престарелых родителей на произвол судьбы <...> такой завод: что мы удовлетворяем просьбы только умышленных лодырей, симулянтов и т. д., а честным стахановцам рабочим не даем никаких привилегий и заставляем принудительно работать <...>²⁶.

Автор сам, по сути, объяснял причину того, почему ему не давали разрешения покинуть завод: даже спустя три года после окон-

²⁵ Заявление от рабочего завода № 172 цеха № 15 Каменских — Секретарю Молотовского обкома ВКП(б), 6 февраля 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 516. Л. 27.

²⁶ Заявление от рабочего завода № 172 цеха № 9, 1-го участка Вялых Александра Яковлевича — Секретарю Молотовского обкома ВКП(б), 20 июня 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 516. Л. 9—10 об.

чания войны руководство завода охотно увольняло «лодырей» и старалось сохранить у себя передовиков производства, пользуясь постановлениями военного времени.

Мобилизованные рабочие, как правило, не могли выбрать место работы и должны были, как и в армии, следовать туда, куда их направляли. Несмотря на то что законодательство требовало обеспечивать работу по специальности, на практике людей могли посылать на любые работы. Нередко рабочих переводили на другое место по желанию руководства, причиной чему могла служить производственная необходимость, но также и простой произвол или личные счёты. Например, рабочий Катаев

в 1946 г. окончил ремесленное училище и получил специальность слесаря. Катаев, будучи направленным на завод № 33, он вопреки его желания администрации использовался там не по специальности слесаря, а грузчиком и конюхом. Более того, Катаеву общежития администрации не представляла, <...> он был вынужден длительное время проживать в конюшне вместе с лошадьми, а затем уйти самовольно с работы²⁷.

Этот пример показателен еще и тем, что демонстрирует, как практики военного времени распространялись не только на мобилизованных во время войны, но и на молодых рабочих, попавших на заводы уже в послевоенные годы. Трудовые мобилизации продолжались вплоть до середины 1950-х гг. Многие мобилизованные уходили с работы или старались любой ценой уклониться от мобилизации в отрасли промышленности, отличавшиеся особо тяжелыми условиями труда. «Молодежь сотнями уходит из колхозов, чтобы только избежать мобилизации в лес», — говорил о проблемах лесозаготовительной промышленности секретарь обкома К. Хмелевский в 1948 г.²⁸ Но без мобилизации такие отрасли нередко не справлялись с планами.

Произвол начальников в отношении мобилизованных рабочих в послевоенной промышленности отразился и в еще одной типичной жалобе. Директор завода решил «помочь отстающему цеху», где, видимо, не хватало рабочих рук и куда невозможно было привлечь рабочих из-за низкого заработка. В результате рабочий потерял квалифицированную работу и материальный достаток. Он

²⁷ Доклад о работе Военного трибунала войск МВД Молотовской области за 4 квартал 1947 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 45.

²⁸ Доклад К. М. Хмелевского на 3-м Пленуме Молотовского обкома ВКП(б), 13 ноября 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 19. Л. 48.

жаловался в обком: «Я работал в 3м цехе на сборке экскаваторов <...> я выполнял месячную норму свыше 200 % и поэтому хорошо зарабатывал и подписался на заем 1000 руб. Сейчас меня перевели в цех 55 против моего желания <...> в цехе 55 работы по моей специальности нет <...> поставили подчиненным котельщика с окладом 335 руб.»²⁹

Размер денежного оклада имел существенное значение в связи с вздорожанием нормированных продуктов, распределявшихся по-прежнему по карточкам. Один рабочий писал в обком в 1948 г.:

Вы хотели ударить по спекулянтам, но ударили по самому сердцу рабочего, который работает за копейку <...>. Если добавили рабочему, зарабатывающему 300 руб. в месяц 10 руб., это ему надбавка на один только хлеб и то мало, ибо хлеб стоил 1 руб. кг, а теперь 3 руб. 80 к., это значит 280 % дороже, плюс к этому норму хлеба детям уменьшили <...> зарплата с добавкой не хватает даже на выкупку месячного пайка, и от этих мизерных продуктов мы вынуждены половину продать для того, чтобы <...> позволить себе покушать по лишней картошке или купить ребенку чекушку молока <...> нет блага, нет знакомства, значит нет тебе жизни <...>. Даже соль и то нам попадает сплошная грязь, в то время, когда на рынке продается мешками белоснежная соль³⁰.

Как видно из письма, в послевоенные годы пайки и нормы хлеба продолжали оставаться основной формой распределения продуктов. Ситуация с нехваткой продовольствия для рабочих заводов также не слишком сильно отличалась от военного времени.

Окончание войны не внесло в систему распределения пайков почти никаких изменений. Государственное нормированное снабжение по-прежнему играло ведущую роль в обеспечении рабочих всем необходимым. Обязательства государства по снабжению мобилизованных рабочих воспринимались как нормальная практика, так что даже военный трибунал не считал возможным выносить обвинительные приговоры за «дезертирство» в ситуации, когда рабочих не кормили. Например, в одном следственном деле говорилось: «Самовольно оставил работу в Половинкинском

²⁹ Жалоба в Обком ВКП(б) от рабочего Молотовского завода № 172 цеха 55 В. И. Смирнова, 8 июля 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 516. Л. 49–49 об.

³⁰ Анонимное письмо, 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 139. Л. 41–43.

Леспромхозе в связи с тем, что на протяжении месяца не выдавалось ему хлеба и совершенно не был, якобы, обеспечен горячей пищей вместе с другими 18 чел. рабочих <...>»³¹. В итоге дело было отправлено на доследование. Как видно из данного примера, не только рабочие, но и советские чиновники ожидали, что работники предприятий не обязаны покупать питание на свободном рынке, но должны получать его на предприятиях.

В послевоенной промышленности постепенно были восстановлены некоторые индустриальные нормы, характерные для мирного времени. Так, после 14-летнего перерыва по постановлению Совета министров СССР от 4 февраля 1947 г. было возобновлено заключение коллективных договоров. Рабочие заключали с заводом коллективный договор, где были прописаны размеры зарплат и периоды выплат, правила приема на работу и увольнения, нормы рабочего времени, правила пользования заводскими квартирами, столовыми, спецодеждой, а также условия обучения. Однако функция коллективных договоров нередко была чисто декоративной. Осознавая эфемерность зафиксированных в них норм, рабочие порой не желали подписывать договоры. Заманивать их на торжественные собрания, в которых происходило подписание договоров, порой приходилось обещаниями выдать дефицитные продукты питания:

Вот например 11.03.1948 года на коротком совещании торжественно нам объявили, что 12.03.1948 проводится рабочее собрание с вопросом: заключение коллективного договора на заводе, и 2е продажа муки в цехе всем рабочим! Оказалось муку стали продавать по биркам! Вначале служащим, а что останется то – рабочим. Но рабочие возмутились и на собрание не пошли. То администрация цеха решила задержать рабочих номера и оставить всех рабочих на собрание и наобещали продать муку после собрания. Собрание проводил от администрации т. Петрищев, а от профорганизации никого не было, и заступиться за рабочих некому. Поэтому и активность плохая, потому что все безобразия проходят мимо партийно-профсоюзной организации и они не замечают и рабочих не защищают. 8-ми руб. муку 90 кг разделили, растащили нач<альни>к цеха и парторг т. Минин и разные администраторы цеха и зам нач<альни>ка тов. Конюхов унес 4 пакета муки с заднего хода? Тогда как участнику войны т. Черепанову не дали и силой его вытащил из очереди начальник ОТК т. Сеницин и грубо наругал тов. Черепанова. А кадровые рабочие оста-

³¹ Доклад о работе Военного трибунала войск МВД Молотовской области за 4 квартал 1947 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 45.

лись без муки как т.т. Ощепков, Бушуев, Федотовских и Романова. Это происходит, что вся администрация сжились семейно. А рабочие остаются в стороне особенно кадровые. Прошу разобрать это письмо и устранить односторонние взгляды на рабочих, а иначе я буду вынужден написать в ЦК нашей партии. Фамилию не оглашаю, потому что Администрация и партийно-проф. <союзная> организация не уважают, когда им подсказывают провду (сохранена орфография подлинника. — А. К.)³².

Как следует из этого письма, рабочих интересовало не столько подписание коллективного договора, который они, видимо, считали заведомо недействительным, сколько приуроченная к нему выдача муки. И именно в качестве протеста против ограничений в продаже муки они отказались пойти на собрание, что заставило руководство запретить рабочим покидать предприятие и вторично пообещать продать муку. Характерно, что рабочих больше всего возмущало не столько то, что их насильственно задерживают на предприятии — эту практику военного времени они уже воспринимали как норму, — а то, что им не дают обещанное продовольствие.

В первые послевоенные годы, как говорится во многих свидетельствах, руководители предприятий могли с легкостью задерживать подчиненных на работе, переводить их с одной работы на другую без их согласия, и даже использовать их труд в личных целях. Подобная практика настолько вошла в жизнь, что уже не вызывала массового возмущения. Причиной жалоб становился только произвол начальников, переходивший все разумные границы. Так, пять работников пункта заготовления зерна Верещагинского района писали в 1950 г. в ЦК ВКП(б): «Двоюродный брат нашего директора <...> заставляет матерей одиночек работать в ночные смены <...>, оскорбляет рабочих <...>. Работают исключительно под страхом <...> по сколько придется часов <...> беременные разгружали муку по 65 кг <...>. Работать приходится не только по 8 часов, а зачастую по 10–12 ч, а за сверхурочную не платят»³³. Следует отметить, что сам по себе 10–12-часовой рабочий день уже стал довольно привычным, и возмущение вызывало в первую очередь отсутствие выплат за сверхурочную работу. На шахте в городе Кизел рабо-

чие даже пойти к врачу в больницу могли только с разрешения начальников участка и руководства шахтой³⁴.

Нередки были случаи, когда хозяйственные руководители использовали труд подчиненных для собственных домашних нужд. Начальник шахты им. Сталина «заставлял рабочих коммунального отдела шахты работать на его личном хозяйстве». Они косили сено, сажали, окучивали и копали картофель, выполняли другие хозяйственные работы. Работавший на шахте кучер в течение трех лет находился у него практически на положении батрака:

Следил за чистотой во дворе и конюшне (подметал, вычищал навоз, носил и стлал свежую подстилку), в зимнее время очищал двор от снега, колол и пилил дрова, весной пахал огород и участок в поле, сажал картофель летом окучивал <...>. Жена (начальника шахты. — А. К.) посылала в выходной день продавать на базаре сало <...> по 30 рублей за килограмм, зимой — картофель <...> по 10 рублей за ведро³⁵.

В послевоенные годы быт рабочих, проживавших в заводских квартирах или бараках, был очень близок к казарменным порядкам. Большое количество людей, живших в одном помещении, отсутствие частной жизни, минимальное личное имущество, отдельное проживание от семьи, казенное постельное белье и одежда были частью рабочей повседневности послевоенных лет. Справки Молотовского обкома ВКП(б) за 1946 г. о работе промышленности свидетельствуют, что условия проживания были тяжелыми практически повсеместно. Например, около 400 рабочих комбината «Молотовуголь» по-прежнему жили в общежитиях с двухъярусными нарами³⁶. Но особенно красноречиво об условиях жизни рабочих говорят отчеты о том, как улучшалось их положение: «Общежития пополнены на 7500 кроватей, 1200 тумбочек, 3000 табуреток, 4800 одеял, 10 600 матрасных наволочек, 30 000 простыней и 28 800 полученных наволочек. Организована бесперебойная поставка воды и топлива в общежития»³⁷. Из этого следует, что до 1946 г., когда был составлен данный отчет, многие

³² Письмо секретарю обкома от работницы Мотовилихинского завода цеха № 22 Шатуновой, 20 марта 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 516. Л. 30–30 об.

³³ Письмо рабочих загот. зерно Верещагинского района в ЦК ВКП(б), 15 марта 1950 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 217. Л. 64–67 об.

³⁴ Докладная записка о результатах проверки работы шахты № 6 Капитальная, 23 августа 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 159. Л. 116.

³⁵ Справка по проверке фактов, компрометирующих члена КПСС тов. Н. И. Камчадалова, сентябрь 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 133. Л. 7.

³⁶ Отчет отдела топливной промышленности Обкома ВКП(б) о работе предприятий в 1946 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 218. Л. 82.

³⁷ Там же. Л. 83.

рабочие жили в неотапливаемых помещениях, без доступа к проточной воде, не имея постельного белья, одеял и даже кроватей. Улучшение их положения происходило, так же как и в военное время, за счет государственного обеспечения.

В течение многих лет на предприятиях сохранялось нормированное распределение товаров первой необходимости, в частности одежды. Секретарь молотовского обкома ВКП(б) К. Хмелевский докладывал 3-му Пленуму обкома 13 ноября 1948 г., что «Начальник облУРСа тов. Штильман не создал нужного запаса валенок, шапок, телогреек ватных, постельных принадлежностей и т. д.»³⁸ И хотя рабочие платили деньги за предоставленные им предметы, цена была довольно символической. И получить они их могли только по предъявлению соответствующего «жетона», «талона» или «карточки». Однако нередко рабочие и вовсе не получали предназначенные для них товары. Как сообщал Хмелевский в том же докладе: «Хорошие промышленные товары до рабочих, как правило, не доходят. В ноябре в магазин лесозащитки пришло 16 пар валенок. Рабочим из этих 16 пар попало 4 пары, а служащие конторы взяли 12 пар. Так распределяется и другая теплая одежда»³⁹.

* * *

В послевоенные годы ликвидация порядков военного времени в промышленности происходила крайне медленно. Вначале, не отменяя действие военных законов в целом по стране, власти предпринимали попытки ограничить их действие на отдельных территориях. Так как важнейшей причиной сохранения военного положения в промышленности была текучесть кадров, советское руководство пыталось бороться с этим, улучшая материальное положение рабочих. Уже в 1946 г. было предложено прибегнуть к экономическим мерам, чтобы удержать рабочих на предприятиях. По постановлению Совета министров СССР от 25 августа 1946 г. «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» предполагалось в этих регионах с 1 сентября 1946 г. на 20 % по-

³⁸ Доклад К. М. Хмелевского на 3-м Пленуме молотовского обкома ВКП(б), 13 ноября 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 19. Л. 46.

³⁹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 19. Л. 48.

высить заработную плату рабочим и инженерно-техническим работникам предприятий черной и цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, добывающей промышленности. Планировались строительство индивидуальных и коммунальных жилых домов и передача индивидуального жилья в собственность рабочим и служащим по установленной цене. Например, деревянный рубленый дом (двухкомнатный с кухней) должен был обойтись рабочему в 8 тыс. руб., каменный — в 10 тыс. руб. Рабочим предоставлялась возможность получить ссуду на покупку дома под 1 % в год⁴⁰. В документах Молотовского обкома о внедрении данного постановления в жизнь название указа перефразировано как «Постановление Совета министров СССР от 25 августа 1946 г. о закреплении кадров на предприятиях Урала, Сибири и Дальнего Востока»⁴¹, что довольно точно отражает не только смысл постановления, но и сохранявшееся военно-феодалное отношение к рабочим.

Впрочем, как свидетельствуют документы молотовского обкома, постановление это едва ли выполнялось. Согласно справкам обкома по итогам работы промышленности Молотовской области за 1946 г., новые договоры с рабочими о введении повышенных ставок оплаты почти не заключались: к 1 января 1947 г. за заводе № 90 из 360 намеченных к оформлению договоров было заключено только 10⁴², а зарплата рабочим завода даже была снижена на 8 %. То же самое происходило и на других предприятиях. Планы по строительству жилья также не выполнялись.

Следующий шаг к ликвидации военного положения в промышленности был сделан в мае 1948 г., когда был отменен указ от 26 декабря 1941 г., санкционировавший наказание в виде 5–8 лет лишения свободы за самовольный уход с работы. Однако предшествующий указ от 26 июня 1940 г. — о запрете ухода рабочих и служащих с предприятий — продолжал действовать до 14 июля 1951 г., когда Верховный Совет постановил заменить судебную

⁴⁰ Постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1946 года «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке» // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1946. 26 августа.

⁴¹ Отчет отдела топливной промышленности Обкома ВКП(б) о работе предприятий в 1946 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 218. Л. 81.

⁴² Справка о работе химической промышленности и цветной металлургии Молотовской области в 1946 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 218. Л. 175.

ответственность за прогулы, кроме случаев неоднократных и длительных прогулов, «мерами дисциплинарного и общественного воздействия». Окончательно судебная ответственность рабочих и служащих за прогулы и самовольный уход с предприятий была отменена Верховным Советом лишь 25 апреля 1956 г.

Часть третья

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аристов Станислав Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Московского областного гуманитарного института, автор публикаций по истории нацистской лагерной системы.

Гительман Цви, профессор политологии и иудаики Мичиганского университета в Энн Арборе (США), автор многочисленных работ о российском, советском и восточноевропейском еврействе. Среди его публикаций — книги «A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. 2nd edition» (Bloomington: Indiana University Press, 2001, рус. пер. «Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней» [М.: Новое литературное обозрение, 2008]) и «Jewish Identities in Postcommunist Russia and Ukraine: an Uncertain Ethnicity» (N. Y.: Cambridge University Press, 2012).

Голдман Венди, профессор истории Университета Карнеги-Меллон (США), автор работ по советской политической и социальной истории. В переводе на русский язык вышли ее книги «Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.)» (М.: РОССПЭН, 2010) и «Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий» (М.: РОССПЭН, 2010).

Дэвид-Фокс Майкл, профессор Школы международных отношений и Факультета истории Джорджтаунского университета (США), один из основателей и многолетний редактор журнала «Kritika: Explorations in Russian and Soviet History». Русский перевод его последней книги «Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941» (N. Y.: Oxford University Press, 2012) выйдет из печати в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2014 г.

Зельцер Аркадий, доктор наук, директор Центра изучения истории советских евреев в годы Холокоста при Мемориальном комплексе Яд Вашем (Иерусалим), автор книги «Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941» (М.: РОССПЭН, 2006).

Кальтенбруннер Маттиас, докторант и научный сотрудник Венского университета (Австрия), автор книги «Flucht aus dem Todesblock. Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des Konzentrationslagers Mauthausen und die “Mühlviertler Hasenjagd”. Hintergründe, Folgen, Aufarbeitung» (Innsbruck; Wien; Bozen: Studienverlag, 2012) о массовом побеге советских офицеров из концлагеря Маутхаузен.

Кимерлинг Анна Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социально-исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь), автор публикаций по истории сталинизма в провинции и истории советской повседневности.

Кукулин Илья Владимирович, кандидат филологических наук, доцент отделения культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), автор статей по истории русской литературы XX в., социологии современной русской культуры, а также о современной русской поэзии.

Лейбович Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор Пермской государственной академии искусства и культуры, автор ряда работ по советской истории, в том числе монографии «В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х гг. XX века» (М.: РОССПЭН, 2008).

Майофис Мария Львовна, кандидат филологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы, автор публикаций по истории русской культуры и интеллектуальной истории России XIX–XX вв., в том числе монографии «Воззвание к Европе: Литературное общество “Арзамас” и российский модернизационный проект 1818–1815 годов» (М.: Новое литературное обозрение, 2008).

Serhii Plokhy. When Stalin Lost His Head: World War II and Memory Wars in Contemporary Ukraine

In late December 2010, unknown people decapitated the head of a recently constructed monument to Joseph Stalin in the Ukrainian city of Zaporizhia. This essay discusses the significance and broader implications of events that happened in Zaporizhia on that December night. Its immediate goal is to answer questions of why a monument to Stalin appeared, of all places, in Ukraine, a recent poster child for the Western democratic project in Eastern Europe; why it was damaged by people associated with the name of Stepan Bandera, the leader of the most radical group of Ukrainian nationalists during World War II; and what this tells us about political and memory wars in contemporary Ukraine. The essay's ultimate goal is to contribute to our understanding of the interrelation of politics and memory in post-communist societies.

Научное издание

**СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
Оккупация. Холокост. Сталинизм**

Ведущий редактор *Н. А. Богатырева*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 07.03.2014.

Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27.

Тираж 1000 экз. Заказ 431

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6